

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81' 255.2

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-114-134



МОТИВАЦИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФОРМЫ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ

Мария Александровна Тетенова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: tetenova.mariia@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен мотивации как ключевого фактора, определяющего профессиональную деятельность переводчиков. Автор акцентирует внимание на значении внутренних и внешних стимулов, влияющих на выбор переводческих стратегий и методов, а также на конечный результат перевода. Особое внимание уделено роли личностных и креативных аспектов, характеризующих переводческую деятельность как форму профессионального самовыражения. Проведён детальный анализ различных форм проявления переводческой мотивации, включая комментарии переводчика, предисловия, примечания и другие метатекстовые элементы, которые способствуют устранению семантических потерь и культурных асимметрий. Исследование основывается на междисциплинарном подходе, объединяющем лингвистику, психологию и переводоведение, что позволяет глубже понять механизмы, лежащие в основе профессионального выбора переводчиков.

Ключевые слова: переводоведение, мотивация, переводческая мотивация, переводческий комментарий, стратегия перевода, личность переводчика

Для цитирования: Тетенова М.А. Мотивация как определяющий фактор переводческой деятельности и формы её выражения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 1. С. 114–134. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-114-134

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;
одобрена после рецензирования 08.04.2025;
принята к публикации 13.04.2025.

MOTIVATION AS A DETERMINANT OF TRANSLATION ACTIVITY AND FORMS OF ITS EXPRESSION

Mariia A. Tetenova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: tetenova.mariia@gmail.com

Abstract. The article deals with the phenomenon of motivation as a key factor determining the professional activity of translators. The author focuses on the significance of internal and external stimuli that influence the choice of translation strategies and methods, as well as the final result of translation. Special attention is paid to the role of personal and creative aspects that characterise translation activity as a form of professional self-expression. Various forms of translation motivation are analysed in detail, including the translator's comments, prefaces, notes and other metatextual elements that contribute to the elimination of semantic losses and cultural asymmetries. The study is based on an interdisciplinary approach combining linguistics, psychology and translation studies, which allows for a deeper understanding of the mechanisms underlying translators' professional choices.

Keywords: translation studies, motivation, translation motivation, translation commentary, translation strategy, translator's personality

For citation: Tetenova M.A. (2025) Motivation as a determinant of translation activity and forms of its expression. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 114–134. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-114-134

The article was received on February 01, 2025;
approved after reviewing received on April 08, 2025;
accepted for publication on April 13, 2025.

Понятие мотивации занимает центральное место в психологических и поведенческих исследованиях, так как именно она определяет направленность, интенсивность и устойчивость деятельности человека. В различных научных дисциплинах мотивация рассматривается с позиций когнитивных, поведенческих и социально-психологических подходов, что обуславливает многообразие её трактовок. Так, например, словарь Американской Ассоциации Психологов (APA Dictionary of Psychology) предлагает несколько определений данного термина, из которых особый интерес в контексте анализа механизмов профессиональной деятельности представляют три:

1. Мотивация как побудительный фактор, определяющий цель и направление поведения, функционирующий на сознательном и бессознательном уровнях.

Данное определение подчёркивает сложную природу мотивации, обусловленную взаимодействием когнитивных и аффективных процессов. С одной стороны, мотивация может быть осознанной, когда субъект чётко понимает цели своей деятельности и намеренно стремится к их достижению. С другой стороны, значительное влияние оказывают бессознательные установки, сформированные в процессе социализации, личного опыта и эмоционального реагирования.

В этом контексте исследователи выделяют два основных типа мотивов:

- Физиологические (первичные, органические) мотивы связаны с базовыми потребностями организма, такими как голод, жажда, необходимость отдыха и поддержания внутреннего равновесия (гомеостаза). Данные мотивы носят врождённый характер и играют ключевую роль в регуляции жизнедеятельности.
- Личные (социальные, вторичные) мотивы формируются на основе социального опыта и включают в себя такие аспекты, как стремление к признанию, желание принадлежать к группе, ориентация на успех, конкуренция, индивидуальные интересы и профессиональные амбиции.

Важным аспектом теории мотивации является её дифференциация на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя мотивация обусловлена интересом к самой деятельности, стремлением к самореализации и удовлетворением от процесса работы. Она проявляется в познавательной активности, творческом подходе и инициативно-

сти. Внешняя мотивация, напротив, связана с наличием внешних стимулов — материальных вознаграждений, социальных санкций, давления или требований окружающей среды. Исследования показывают, что внутренняя мотивация обладает большей устойчивостью и способствует длительному поддержанию профессиональной активности, тогда как внешние стимулы могут быть эффективны лишь в краткосрочной перспективе.

2. Мотивация как готовность человека затрачивать физические или интеллектуальные ресурсы для достижения цели. В данном определении акцент сделан на деятельностный аспект мотивации, который выражается в степени приложенных усилий. Разные уровни мотивации могут приводить к различным результатам: высокая мотивация способствует продуктивности, целеустремлённости и преодолению препятствий, тогда как её недостаточность приводит к снижению активности, прокрастинации и отказу от сложных задач.

Следует учитывать, что интенсивность мотивации зависит от ряда факторов, включая:

- Субъективную значимость цели — чем важнее цель для человека, тем больше усилий он готов приложить.
- Оценку вероятности успеха — если задача воспринимается как выполнимая, вероятность мотивационного отклика возрастает.
- Наличие подкрепления — регулярное получение положительных результатов способствует поддержанию высокого уровня мотивации.

Важно отметить, что неравномерность распределения мотивационных ресурсов может приводить к профессиональному выгоранию, особенно если деятельность требует значительных физических или интеллектуальных затрат без соответствующего подкрепления.

3. Мотивация как процесс побуждения других к активной деятельности с целью достижения групповой или организационной цели. Здесь мотивация рассматривается в социальном контексте и тесно связана с лидерскими качествами. В управленческих теориях мотивация анализируется как ключевой инструмент повышения эффективности командной работы и профессиональной продуктивности.

Способы мотивации в данном случае могут включать:

- Материальные стимулы (зарплата, премии, бонусы).
- Нематериальные поощрения (похвала, признание, возможность карьерного роста).

- Создание благоприятных условий для работы (гибкий график, комфортная рабочая среда).
- Формирование вовлечённости (ощущение значимости вклада каждого участника).

Способность руководителя к мотивированию команды является важным показателем эффективности управления. В этом смысле мотивация рассматривается не только как внутренняя характеристика личности, но и как инструмент социального влияния.

Дополняя приведённые выше определения, А.А. Воюцкая подчёркивает, что «поведение субъекта при принятии решений всегда мотивационно обусловлено, а сама мотивация представляет собой сложную структуру, состоящую из мотивов, находящихся на разных ступенях иерархии» (Воюцкая, 2022: 30). Таким образом, мотивация может быть рассмотрена как многоуровневая система, включающая различные детерминанты поведения, от базовых физиологических потребностей до сложных когнитивных установок и социальных ожиданий.

Именно поэтому мотивация не только выступает в роли формирующего фактора деятельности, но и предопределяет её вероятные результаты. Она определяет степень вовлечённости индивида в профессиональную деятельность, влияет на выбор стратегий решения задач, уровень продуктивности и устойчивость к стрессовым факторам. В условиях динамично меняющейся социальной среды понимание механизмов мотивации приобретает особую значимость, так как позволяет эффективно управлять как индивидуальной, так и групповой активностью, обеспечивая достижение поставленных целей.

А.Н. Леонтьев, представитель деятельностного подхода в психологии, определяет мотивацию как «всё, что составляет так называемые внутренние силы поведения, то актуализирует деятельность человека», а мотив как «объективное, что побуждает и направляет деятельность, отвечая той или другой потребности, конкретизируя потребности или, естественно, удовлетворяя потребности» (Леонтьев, 2017). Таким образом, А.Н. Леонтьев разводит понятия мотивации и мотива: мотивация есть внутреннее состояние человека, его субъективное отношение к тому или иному предприятию; мотивы же представляют собой скорее «внешнюю» мотивацию, то есть нечто объективное, что может проявляться в виде достижимой перспективы в случае реализации успешного предприятия.

Теорию о внешней и внутренней мотивации разрабатывали психологи Эдвард Деси и Ричард Райан. Согласно их изысканиям, мотивация может быть внутренней, т.е. вызванной интересом к деятельности, или внешней, т.е. обусловленной внешними стимулами, такими как вознаграждение или наказание. Данная теория акцентирует значимость внутренней мотивации и механизма самоопределения в регуляции профессионального поведения. В её основе лежит предположение, что мотивационные факторы, опирающиеся на субъективное ощущение автономии и профессиональной компетентности, обладают более выраженной устойчивостью и долговременным воздействием на трудовую активность, чем внешние стимулы: «Внутренняя мотивация предполагает выполнение деятельности без необходимости внешних побуждений или вознаграждений, потому что она интересна и удовлетворяет базовые психологические потребности в компетентности, автономии и родстве» (Deci, Ryan, 1985).

Таким образом, мотивация не может быть переоценена как элемент человеческой деятельности; мотивация — это движущая сила человеческого поведения, влияющая на решения, поступки и общую жизненную траекторию. Будь то внутреннее стремление к личностному росту и самореализации или внешнее вознаграждение и признание, мотивация формирует наши стремления и настойчивость. Понимание различных теорий и факторов, влияющих на мотивацию, позволяет дифференцировать различные типы мотивов, способствующих развитию чувства цели и направления в любой деятельности. Наконец, мотивация — это не просто катализатор действий, а суть стремлений.

Большой психологический словарь под ред. Б.Г. Мещерякова предлагает для смежного определения понятие «мотивировка» — «манифестируемый определённый личностный смысл как осознанное внутреннее оправдание деятельности». Складывается мотивировка, согласно Словарю, из мотивов. Мотив же — «1) материальный или идеальный «предмет», который побуждает и направляет на себя деятельность или поступок, смысл которых состоит в том, что с помощью М. удовлетворяются определённые потребности субъекта; 2) психический образ данного предмета» (Большой психологический словарь, 2002: 273–274). Согласно словарю, у человека может быть несколько мотивов одновременно, и «подобные мотивационные комплексы имеют собственную динамику, которая может сопровождаться кратковременной или, напротив, затяжной,

едва заметной или же весьма драматической борьбой М. Но окончательное решение «что и как делать?» принимает, как правило, сознательный субъект на основе внутренней системы ценностей (ценностных ориентаций)» (Там же).

Все вышеперечисленные определения мотивации не могут быть применены к переводческой деятельности без наличествующих доказательств в виде высказываний самого переводчика о своей мотивации. К формам эксплицитного выражения переводческой мотивации мы относим переводческий комментарий, предисловие. Переводческий комментарий представляет собой одну из наиболее доступных и распространённых форм интерпретации текста переводчиком, позволяя ему передавать реципиенту дополнительную информацию, которая, по его мнению, играет важную роль в адекватном восприятии и понимании переводимого произведения. Комментарий выполняет функцию связующего звена между оригинальным текстом и его воспринимаемой интерпретацией в иной языковой и культурной среде, обеспечивая более глубокое осмысление содержания, а также уточняя реалии, исторические контексты и лексико-семантические особенности.

Исторически практика комментирования восходит к древности и имеет прочные традиции в филологическом анализе текстов. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина термин «комментарий» определяется следующим образом: «(лат. *commentarius* — толкование) — жанр филологического исследования, разъяснительные примечания к тексту». Одним из первых примеров систематического комментирования можно считать деятельность Александрийской филологической школы (III–II вв. до н.э.), представители которой занимались анализом текстов Гомера, составляли глоссы и схолии, а также разрабатывали методы интерпретации сложных и архаичных выражений. В эпоху Возрождения традиция комментирования приобрела особую значимость, охватывая как библейские, так и античные тексты. В России процесс филологического комментирования активно развивался в рамках публикаций памятников древнерусской литературы, а позднее — произведений русской классической литературы.

Таким образом, комментарий выполнял функцию инструмента, способствующего передаче и разъяснению информации, значимой для интерпретации текста, но не включённой в его основное содержание. В филологической традиции выделяют несколько типов

комментариев, различающихся по своему назначению и содержательной направленности. Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», к основным видам комментария относятся:

- текстологический комментарий, содержащий анализ источников текста, его историю, обоснование гипотетических реконструкций (конъектур);
- реальный (социокультурный) комментарий, представляющий собой разъяснение событий, персоналий и явлений, упоминаемых в произведении, с целью уточнения их значимости для исторического и культурного контекста;
- историко-литературный комментарий, рассматривающий связи данного текста с другими произведениями литературы, выявляющий его интертекстуальные особенности и художественные параллели;
- лингвистический комментарий, фокусирующийся на специфике словоупотребления, анализе архаизмов, неологизмов, идиоматики и иных языковых особенностей, характерных для автора или эпохи.

Отдельное место в классификации комментариев занимает социокультурный комментарий, рассматриваемый С.Г. Тер-Минасовой как элемент межкультурной коммуникации, позволяющий устранить барьеры в восприятии текста представителями различных языковых и культурных традиций. Данный вид комментария, по мнению исследовательницы, отражает трансформации, происходящие в культуре, языке и системе ценностей общества.

Социокультурный комментарий подразделяется на две основные формы:

- исследовательский (творческий) комментарий включает не только конкретные сведения, но и дополнительные разъяснения, раскрывающие национальные, политические, культурно-бытовые и иные коннотации текста. Кроме того, такой комментарий устанавливает взаимосвязи между историческими и культурными реалиями, персонажами произведения и его автором (Тер-Минасова, 2000: 106);
- энциклопедический комментарий, напротив, носит преимущественно информационный характер и представляет собой изложение базовых энциклопедических данных о событиях, исторических фигурах и явлениях, упоминаемых в тексте, без углублённого анализа их символического или контекстуального значения.

В ряде случаев комментарий может существовать как самостоятельное исследование, выходящее за рамки сопровождающего текста пояснения. Примеры таких работ включают:

- комментарий Н.Л. Бродского к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1932);
- комментарий В.В. Набокова к «Евгению Онегину» (1964, рус. пер. 1999), который представляет собой детализированное исследование культурного контекста произведения;
- комментарий И. Вайнберга к роману М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (1971), анализирующий философские и исторические аспекты произведения;
- комментарий Ю.М. Лотмана к «Евгению Онегину» (1980), являющийся одной из наиболее значимых работ в области пушкинистики.

В зависимости от целевой аудитории и степени глубины анализа, комментарий может быть популярным, ориентированным на широкую публику, или научным, предназначенным для профессионального филологического сообщества. В любом случае он играет ключевую роль в процессе осмысления и интерпретации текста, обеспечивая его адекватное восприятие и интеграцию в новые социокультурные условия.

Ни в статье С.Г. Тер-Минасовой, ни в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» переводческий комментарий не выделен в отдельную нишу, но тем не менее он заслуживает внимания. Переводческий комментарий, использовавшийся во времена Александрийской филологической школы, концентрировался на обеспечении читателя знаниями о реалиях, поэтому их мы могли бы отнести к *реальным* комментариям в классификации «Литературной энциклопедии терминов и понятий». В качестве примера мы можем привести комментированное издание Гомера Аристофана Византийского. Во времена перевода Библии это были не только *реальные* комментарии, но и *лингвистические*: в том числе письма Иеронима, в которых он отстаивал свой перевод «просветлённого» Моисея.

Переводческий комментарий представляет собой дополнительную информацию, призванную сократить смысловые потери при переводе. Представляется логичным, что он может содержать в себе любую из перечисленной в «Литературном словаре» информацию: о персоналиях, историческом контексте, интертекстуальные «переклички» и, разумеется, пояснение отдельных пассажей и слов. Так, переводческий комментарий есть попытка переводчика пояснить

свои переводческие решения, пролить свет на сложности, с которыми он столкнулся, создавая к нему тем самым своего рода метатекст, порой требующий создания отдельной книги.

Исследования, посвящённые анализу переводческих комментариев, в большинстве случаев фокусируются на изучении примечаний, создаваемых либо в определённом пространственно-временном контексте, либо в качестве сопровождающих элементов к переводу художественных произведений. Данный аспект переводческих исследований представляет собой значительный интерес, поскольку комментарии переводчика могут не только прояснять отдельные фрагменты текста, но и служить ключом к пониманию особенностей переводческого процесса.

Ряд исследователей, в числе которых О. Палопоски, А. Мартин и С. Тахир-Гюрчаглар, подчёркивают ценность комментариев как важного источника информации о методологии работы переводчика, его стратегиях, мотивации и творческом подходе к адаптации оригинального текста. Они отмечают, что анализ переводческих комментариев позволяет глубже проникнуть в специфику принятых переводческих решений и реконструировать ход мыслей переводчика в процессе работы над текстом. В подтверждение этой мысли О. Палопоски высказывает мнение о том, что комментарий является одним из наиболее значимых элементов, позволяющих исследователям реконструировать процесс перевода:

«Что может быть более завораживающим ключом к завершённой работе переводчика, чем его комментарии — единственное место в переводе, где явно звучит голос самого переводчика? [...] Комментарии, как и следы ног, — это отпечатки, оставленные людьми, которые прошли свой путь, и они позволяют нам проследить и узнать, какими путями они шли» (Paloposki, 2010: 87).

Данное высказывание подчёркивает уникальную роль переводческих комментариев как инструментов фиксации индивидуальных особенностей переводческого процесса. В отличие от самого переведённого текста, где переводческие решения представлены в их окончательной форме, комментарии позволяют увидеть логику принятия этих решений, а также влияние конкретных факторов, включая культурные, языковые и стилистические аспекты.

О. Палопоски посвятила данной теме отдельное исследование, изложенное в её книге “The Translator’s Footprints”. В данной работе автор анализирует особенности переводческих комментариев и обращает внимание на тот факт, что существующие на данный момент исследования в этой области пока не дают полноценно-

го представления об общих закономерностях их использования в практике перевода. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данной темы, поскольку комментарии, наряду с другими вспомогательными элементами перевода, способны прояснить механизмы интерпретации исходного текста и стратегию его адаптации к целевой аудитории.

Не менее значимый вклад в изучение переводческого комментария внёс В.Н. Комиссаров, который отмечает, что основная функция языкового содержания текста заключается в его соотнесении с конкретной коммуникативной ситуацией и референтами, участвующими в процессе коммуникации. По его мнению, язык как средство передачи информации функционирует благодаря установлению связи между высказыванием и его референтами, что обеспечивает интеграцию высказывания в общий текстовый контекст (Комиссаров, 2011: 63). Однако этот механизм не всегда действует безупречно, поскольку степень доступности информации для разных референтов может значительно варьироваться.

Комиссаров указывает на то, что различие в уровне осведомлённости референтов о конкретных реалиях и явлениях может быть обусловлено различными факторами, среди которых ключевую роль играет принадлежность участников коммуникации к разным культурным традициям. Это особенно заметно в случае, когда референты оперируют разными картинками мира и культурными кодами, что приводит к необходимости дополнительных пояснений.

Такого рода расхождения между референтами особенно ярко проявляются в условиях межкультурного взаимодействия, когда участники коммуникации принадлежат к различным национальным, историческим или языковым традициям. В подобных ситуациях переводческий комментарий приобретает особую значимость, выступая в качестве эффективного инструмента для устранения барьеров взаимопонимания. Он способствует корректному восприятию текста читателем, не принадлежащим к культуре оригинала, и обеспечивает адекватную передачу смысловой информации в условиях асимметрии культурного контекста.

Именно переводческий комментарий становится важнейшим средством устранения данной асимметрии и обеспечения полноценного взаимодействия между участниками коммуникации. При этом его значение возрастает на этапе установления связи между референтами, поскольку он помогает компенсировать разницу в их когнитивных базах и уровнях знаний о контексте произведения.

Это особенно актуально в ситуации перевода произведений, содержащих культурно-специфические элементы, реалии и аллюзии, требующие пояснения для целевой аудитории.

Таким образом, переводческий комментарий выполняет не только вспомогательную функцию, но и играет ключевую роль в процессе адаптации текста, обеспечивая его точное и корректное восприятие. В условиях межкультурной коммуникации он становится важнейшим механизмом, позволяющим устранить информационные барьеры и достичь необходимого уровня эквивалентности между оригиналом и переводом.

Вероятность возникновения асимметрии в процессе коммуникации подробно рассматривалась в трудах Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой. В их терминологии данное явление обозначается понятием «прагматическая презумпция», под которым понимаются знания и убеждения участников общения, формирующие пресуппозицию их контакта. Исследовательницы подчёркивают, что любой говорящий, высказывая определённое суждение S, исходит из предположения P, которое воспринимает как само собой разумеющееся и известное адресату:

«Говорящий, который высказывает суждение S, имеет прагматическую презумпцию P, если он, высказывая S, считает P само собой разумеющимся — в частности, известным слушателю» (Арутюнова, Падучева, 1985: 39).

В данном определении подчёркивается фундаментальный принцип прагматической коммуникации: любой акт речевого взаимодействия предполагает наличие у участников общения определённой базы фоновых знаний, позволяющей им корректно интерпретировать содержание высказываний. Однако в процессе перевода может возникнуть значительное расхождение между исходными предпосылками автора оригинального текста и знаниями реципиента перевода, что в свою очередь создаёт препятствия для полноценного понимания и восприятия информации.

Значимость феномена пресуппозиции подчёркивал и А.Д. Швейцер, который характеризовал её как «важнейшую категорию прагматики», непосредственно связанную с проблемами передачи реалий в процессе перевода (Швейцер, 1988: 155). Советский учёный указывает, что понятие прагматической презумпции неразрывно связано с концепцией фоновых знаний (background knowledge), под которыми понимаются исходные сведения, имплицитно содержащиеся в высказывании и влияющие на его интерпретацию (Там же).

В условиях двуязычной коммуникации различие в уровне фоновых знаний между автором текста и его потенциальным читателем может серьёзно затруднить процесс понимания, а в отдельных случаях — привести к значительным смысловым искажениям. Именно эту проблему призван решить переводческий комментарий, выступающий в качестве инструмента компенсации смысловых потерь и устранения пробелов в знаниях реципиента. Таким образом, переводческий комментарий можно рассматривать как механизм, позволяющий преодолеть когнитивную асимметрию между участниками коммуникации и обеспечить более точное восприятие текста.

Аналогичные идеи находят отражение и в концепции, разработанной М. Ледерер и Д. Селескович. Исследовательницы подчёркивают, что любое высказывание опирается на определённые знания собеседника, без которых его адекватное восприятие становится невозможным:

«Высказывание всегда опирается на знания собеседника. Так, речь, обращённая к собеседнику с нулевыми знаниями, может попытаться передать идею высказывания исчерпывающим образом, но такая попытка будет продолжаться до бесконечности, никогда не завершаясь в полной мере» (Seleskovitch, Lederer, 1984: 38).

Данное утверждение иллюстрирует ключевую проблему передачи информации в условиях асимметрии знаний: если собеседник или читатель не обладает необходимыми предпосылками для понимания высказывания, любое пояснение рискует превратиться в бесконечную цепочку уточнений, которая, тем не менее, не сможет полностью компенсировать разницу в фоновом знании. Французские исследовательницы приводят данный аргумент в первую очередь в контексте устного перевода, где передача всей сопутствующей информации в режиме реального времени оказывается практически невозможной. Однако схожая проблема актуальна и для письменного перевода, где вопрос соотношения исходных знаний реципиента с предполагаемыми знаниями автора текста играет не менее важную роль.

При переводе письменного текста необходимость компенсации культурных и когнитивных пробелов становится особенно значимой, поскольку отсутствие необходимого уровня фоновых знаний может привести к неправильному пониманию текста или утрате его смысловых оттенков. В целях минимизации подобных проблем переводчик может прибегнуть к использованию переводческого комментария, который позволяет соблюсти баланс между

точностью передачи исходной информации и её доступностью для целевой аудитории.

С одной стороны, использование комментариев помогает избежать чрезмерной экспликации в самом тексте перевода, которая не всегда уместна и может исказить его стилистическую и композиционную структуру. С другой стороны, переводческий комментарий играет компенсаторную роль, обеспечивая читателя необходимыми знаниями для корректной интерпретации текста без необходимости вносить радикальные изменения в сам перевод.

Таким образом, переводческий комментарий выполняет важнейшую функцию в процессе межкультурной коммуникации, позволяя сглаживать асимметрию фоновых знаний, устранять возможные барьеры в понимании текста и обеспечивать его адекватное восприятие целевой аудиторией.

Переводческий комментарий может быть представлен в разных формах: сноски, информация в скобках, предисловия и послесловия переводчика, списки терминов и не только, порой в тексте могут присутствовать сразу несколько его форм. Это «облако» переводческой работы вокруг текста Антуан Берман называет «опорой перевода» (пер. Т.А. Алексейцевой) — “l'étayage de la traduction”. Оно включает введение, предисловие, послесловие, сноски, глоссарий и т.д. Перевод, лишённый своей опоры, не сможет донести до нового читателя чуждый для него мир во всей своей сложности: «Перевод не может быть «оголённым», т.к. в таком случае литературный перевод не будет завершён» (фр. ориг. “La traduction ne peut pas être “nue” sous peine de ne pas accomplir la translation littéraire”) (Berman, 1994: 68).

Однако существует и противоположная точка зрения на вопрос использования переводческих комментариев. Некоторые исследователи рассматривают примечания переводчика как элемент, противоречащий самой природе перевода, в том виде, в каком он традиционно понимается в коммуникативной и социокультурной перспективе. В частности, такую позицию занимают Л.К. Латышев и А.Л. Семёнов, утверждающие следующее:

«Представляя собой отдельные минитексты (текст в тексте или при нём), примечания переводчика не согласуются с общественным предназначением перевода — обеспечивать двуязычную опосредованную коммуникацию по образу и подобию одноязычной» (Латышев, Семёнов, 2003: 8).

Авторы подчёркивают, что одной из ключевых функций перевода является максимальное приближение коммуникации между

представителями разных языковых систем к естественному акту общения внутри одной языковой среды. Иными словами, перевод должен стремиться к тому, чтобы выполняемая им функция была аналогична той, которую выполняет оригинальный текст в своей культуре. Данное представление о переводе коррелирует с концепцией прозрачности переводческого процесса, согласно которой идеальный переводчик должен оставаться незаметным для читателя, не вмешиваясь в структуру текста посредством дополнительных комментариев.

Подобное понимание роли переводчика находит отражение в высказывании Н.В. Гоголя, который в своём суждении о переводческом мастерстве утверждал следующее:

«Переводчик поступил так, — писал он об одном переводе, — что его не видишь: он превратился в такое прозрачное „стекло“, что кажется, как бы нет стекла» (Гоголь, 1952: 170).

Данная метафора подчёркивает идеал переводческой деятельности, при котором работа переводчика остаётся невидимой, а читатель воспринимает текст так, как если бы он был написан на его родном языке, без осознания факта его переводной природы. Согласно этой концепции, комментарий становится своего рода «помехой», нарушающей иллюзию естественного восприятия текста и сигнализирующей о присутствии посредника между оригиналом и читателем.

Одной из наиболее радикальных точек зрения на этот вопрос придерживалась известная переводчица Нора Галь. В своей книге «Слово живое и мёртвое» она достаточно критически высказывалась о практике использования переводческих комментариев, подчёркивая необходимость поиска альтернативных решений, которые бы позволяли передавать нюансы оригинального текста без необходимости прибегать к сноскам и примечаниям. В частности, она утверждала:

«Бесспорно одно: необходимо искать какие-то замены, чтобы не тускнели краски автора и ничего не терял читатель. Что-то выйдет удачно, что-то похуже. Одно плохо всегда — обычное оправдание, сноска: «непереводимая игра слов». Это — расписка переводчика в собственном бессилии. Конечно, порой ты и впрямь бессилен перед какой-то уж очень головоломной задачей. Тогда вернее совсем пожертвовать игрою слов здесь и, может быть, взамен сыграть в другом месте, где у автора ничего такого и нет, а переводчику что-то придумалось. Но чем меньше потерь, тем, понятно, лучше, и отступить без боя стыдно» (Галь, 2001).

Здесь Нора Галь выражает мысль о том, что переводчик не должен прибегать к комментарию как к универсальному средству объяснения сложных языковых явлений. Вместо этого он должен искать внутренние, контекстуально оправданные решения, позволяющие сохранить выразительность оригинального текста. Однако следует подчеркнуть, что данный фрагмент книги переводчицы рассматривает, прежде всего, проблему передачи игры слов, а не переводческие комментарии в целом. Таким образом, её резкая критика сносок касается скорее ситуации, когда комментарий служит оправданием неспособности переводчика передать сложный языковой феномен, а не когда он используется как осознанный методологический инструмент.

Кроме того, важно учитывать специфику литературного наследия Норы Галь, значительная часть которого связана с переводом произведений, ориентированных на детскую аудиторию. В этом контексте комментарий действительно может оказаться менее эффективным средством передачи информации, так как в детской литературе предпочтение отдаётся естественности повествования, доступности языка и плавности текста. Для юных читателей сноски и примечания могут не только усложнять восприятие текста, но и разрушать художественную целостность произведения.

Таким образом, существует целый ряд аргументов против использования переводческого комментария, большая часть которых связана с необходимостью минимизации вмешательства переводчика в текст. С одной стороны, переводческий комментарий может восприниматься как дополнительный элемент, нарушающий иллюзию естественного чтения. С другой стороны, его использование во многих случаях является единственным способом сохранить точность передачи информации, особенно в текстах, насыщенных культурно-специфическими элементами. В этом смысле проблема переводческих комментариев остаётся одной из дискуссионных тем в переводоведении, требующей взвешенного подхода и учёта специфики каждого конкретного текста и его целевой аудитории.

Таким образом, переводческие комментарии могут существовать в различных формах и форматах, начиная от кратких сносок, интегрированных непосредственно в основной текст или вынесенных за его пределы, и заканчивая развёрнутыми аналитическими пояснениями, оформленными в виде отдельных примечаний или сопроводительных «минитекстов». Несмотря на это разнообразие, цель переводческих комментариев остаётся неизменной: они при-

званы минимизировать возможные семантические потери, возникающие в процессе перевода, за счёт дополнительного разъяснения смысловых нюансов, культурных реалий и языковых особенностей, которые могут оказаться недостаточно очевидными для реципиента перевода.

При этом отношение к необходимости и уместности переводческих комментариев среди переводчиков, исследователей и преподавателей остаётся неоднозначным. Одни специалисты рассматривают их как важнейший инструмент точной передачи значений оригинала, позволяющий компенсировать неизбежные утраты информации и делать перевод более доступным и понятным для читателя. Другие, напротив, видят в комментариях нежелательное вмешательство в структуру текста, нарушающее принцип эквивалентности перевода и препятствующее естественному восприятию произведения. Эта дискуссия затрагивает более широкий вопрос соотношения «буквы» и «духа» текста: с одной стороны, невидимость переводчика, его стремление к максимальному стилистическому и смысловому соответствию оригиналу способствует сохранению его художественной целостности, с другой — активное присутствие переводчика, выраженное в виде комментариев, примечаний или предисловий, позволяет более точно передать содержание текста, восполняя потенциальные лакуны, вызванные межъязыковыми и межкультурными различиями.

Центральным элементом, определяющим специфику переводческой деятельности и подход переводчика к использованию комментариев, является мотивация. Как показывает проведённое исследование, мотивация переводчика представляет собой сложное многокомпонентное явление, включающее в себя совокупность различных факторов, оказывающих непосредственное влияние на процесс принятия решений, выбор стратегий перевода и, в конечном итоге, на восприятие переведённого текста его целевой аудиторией. Внутренние аспекты мотивации, такие как стремление к профессиональному развитию, интерес к тексту, познавательная потребность и креативный подход, тесно взаимодействуют с внешними детерминантами, среди которых можно выделить социальные, культурные и материальные стимулы. Подобное многообразие мотивов подчёркивает сложность переводческого процесса, который, с одной стороны, предполагает высокий уровень когнитивной обработки информации, а с другой — требует значительных творческих усилий, направленных на адаптацию текста и сохранение его смысловой и стилистической целостности.

Особый интерес представляет вопрос эксплицитного выражения переводческой мотивации, которое находит своё отражение в различных формах метатекста, включая комментарии, предисловия и примечания. Данные элементы выполняют важную компенсаторную функцию, способствуя преодолению семантических потерь, возникающих в процессе перевода, а также минимизируя влияние асимметрии культурного контекста. Это особенно актуально при работе с текстами, насыщенными реалиями, идиоматическими выражениями, аллюзиями или другими труднопереводимыми элементами, требующими дополнительного разъяснения. В данном контексте переводческая мотивация приобретает не только профессиональное, но и более широкое культурное значение, поскольку её проявления могут рассматриваться как важный инструмент межкультурной коммуникации, обеспечивающий передачу культурно значимой информации и её адаптацию для носителей другого языка.

Результаты исследования подтверждают значимость мотивации как ключевого фактора, лежащего в основе профессиональной переводческой деятельности. С одной стороны, высокая степень мотивации способствует повышению качества перевода, поскольку она побуждает переводчика тщательно анализировать текст, искать оптимальные решения и осознанно выбирать переводческие стратегии, направленные на достижение эквивалентности. С другой стороны, мотивация играет важную роль в раскрытии когнитивного и творческого потенциала переводчика, что особенно важно при работе с текстами, требующими нестандартных решений, оригинального подхода и творческой интерпретации. В этом смысле мотивация становится одним из ключевых факторов, влияющих на процесс создания метатекста, призванного компенсировать лингвистические и культурные пробелы, возникающие при переводе.

В заключение следует подчеркнуть, что изучение природы переводческой мотивации требует междисциплинарного подхода, объединяющего переводоведение, лингвистику, когнитивную психологию, социолингвистику и теорию межкультурной коммуникации. Комплексный анализ этого феномена позволяет не только углубить теоретическое понимание механизмов, определяющих переводческую деятельность, но и разработать эффективные методические рекомендации, направленные на повышение профессионального уровня переводчиков и совершенствование их практических навыков. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать созданию новых стратегий и технологий перевода, ориентиро-

ванных на достижение максимальной точности и выразительности текста, а также на разработку оптимальных методов работы с метатекстовыми элементами, включая переводческие комментарии.

Таким образом, мотивация переводчика представляет собой не просто внутренний импульс, определяющий его профессиональную деятельность, но и фундаментальный фактор, влияющий на успешность перевода, степень его эквивалентности и степень адаптации текста для целевой аудитории. В современных условиях глобализации, когда проблема межкультурного взаимодействия приобретает всё большую актуальность, исследование мотивации переводчика выходит за рамки исключительно теоретической проблемы и становится важной практической задачей, имеющей непосредственное значение для обеспечения эффективной межкультурной коммуникации.

Список литературы

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 8–42.

Большой психологический словарь. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК / Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко, 2003. 632 с.

Воюцкая А.А. Перевод как процесс принятия решений. Дис. канд. филол. наук. 10.02.20. М., 2022. 168 с.

Галь Н. Слово живое и мёртвое. М.: Международные отношения, 2001. 368 с. URL: <http://www.vavilon.ru/noragal/slovo.html>

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1952.

Жоль К.К. Язык как практическое сознание (философский анализ). Киев, 1990.

Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Academia, 2003. 192 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Электронный ресурс] / А.Н. Леонтьев. 2-е изд. Электрон. текстовые дан. М.: Политиздат, 1997.

Литературная энциклопедия терминов и понятий, гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2001. 1598 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000.

Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с. ISBN 5-89349-526-8 (Флинта), ISBN 5-02-006320-7 (Наука).

Швейцгер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Berman A. (1994) Pour une critique des traductions: John Donne. Gallimard, Paris.

Deci E.L. & Ryan R.M. (1985) Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. Springer Science & Business Media.

Paloposki O. (2010). The Translator's Footprints. In T. Kinnunen & K. Koskinen (Eds.), Translators' Agency. Tampere: Tampere University Press.

Schopenhauer A. (1907) On The Fourfold Root Of The Principle Of Sufficient Reason And On The Will In Nature. London: George Bell And Sons. URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/50966/pg50966-images.html#Footnote_68

Seleskovitch D., & Lederer M. (1984) Interpréter pour traduire. Didier Erudition, Paris. 312 p.

APA Dictionary of Psychology [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.apa.org/>. Дата обращения: 05.01.2025.

References

APA Dictionary of Psychology [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.apa.org/>. Дата обращения: 05.01.2025.

Arutyunova N.D., & Paducheva E.V. (1985) Istoki, problemy i kategorii pragmatiki = Origins, Problems, and Categories of Pragmatics. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, Issue. 16, pp. 8–42 (In Russian).

Berman A. (1994) Pour une critique des traductions: John Donne. Gallimard, Paris.

Bolshoy Psikhologicheskiy Slovar' (2003). Bolshoy psikhologicheskiy slovar' = The Big Psychological Dictionary. Moscow: Prain-EVROZNAK. (In Russian).

Deci E.L. & Ryan R.M. (1985) Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. Springer Science & Business Media.

Gal N. (2001) Slovo zhivoe i mertvoe = The Living and the Dead Word. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. URL: <http://www.vavilon.ru/noragal/slovo.html> (In Russian).

Gogol N.V. (1952) Poln. sobr. soch., v. XIV = Complete Works, Vol. XIV. Moscow. (In Russian).

Latyshev L.K., & Semenov, A.L. (2003) Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya = Translation: Theory, Practice, and Teaching Methods. Moscow: Academia. (In Russian).

Leontyev A.N. (1997) Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. 2nd ed. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy (2001). Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy = Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. Moscow. (In Russian).

Paloposki O. (2010) The Translator's Footprints. In T. Kinnunen & K. Koskinen (Eds.), Translators' Agency. Tampere: Tampere University Press.

Schopenhauer A. (1907) On the Fourfold Root Of The Principle Of Sufficient Reason And On The Will In Nature. London: George Bell And Sons. URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/50966/pg50966-images.html#Footnote_68

Shveitser A.D. (1988) Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. (In Russian).

Seleskovitch D., & Lederer M. (1984) *Interpréter pour traduire*. Didier Erudition, Paris. 312 p.

Ter-Minasova S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = Language and Intercultural Communication. Moscow: Slovo. (In Russian).

Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar' (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* = Explanatory Dictionary of Translation Studies. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka. ISBN 5-89349-526-8 (Flinta), ISBN 5-02-006320-7 (Nauka). (In Russian).

Voyutskaya A.A. (2022) *Perevod kak protsess prinyatiya resheniy* = Translation as a Decision-Making Process. (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian).

Zhol' K.K. (1990) *Yazyk kak prakticheskoe soznanie (filosofskiy analiz)* = Language as Practical Consciousness: A Philosophical Analysis]. Kiev. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Тетенова Мария Александровна — аспирант Высшей школы перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1-й учебный корпус, комната 1150, (11-й этаж); tetenova.mariia@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Mariia A. Tetenova — Lomonosov Moscow State University, faculty of Higher School of Translation and Interpreting, Russia, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, GSP-2, 1st academic building, room 1150, (11th floor); tetenova.mariia@gmail.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.